ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Народонаселение и демография

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВОЗРАСТНОЙ РОЖДАЕМОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Виктория Анатольевна ДЕНИСЕНКО[a,•], Анна Николаевна КАТАЕВА[b]

[a] кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
dva232@mail.ru

[b] кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
kataeva.an@mail.ru

[•] Ответственный автор

История статьи:
Принята 19.03.2015
Принята в доработанном виде 14.04.2015
Одобрена 26.04.2015

УДК 314.3
JEL: J11, J13, R23, R28

Ключевые слова: Приморский край, повозрастная рождаемость, факторы спада рождаемости, государственная демографическая политика

Аннотация

Предмет. В статье рассмотрена динамика повозрастной рождаемости в Приморском крае в 1990−2013 гг.

Цели. Выявить факторы спада рождаемости и предложить меры региональной демографической политики по стимулированию рождаемости и преодолению малодетности на территории Приморского края.

Методология. Использованы системно-аналитические методы исследования.

Результаты. Выявлены факторы спада рождаемости, предложены меры региональной демографической политики по стимулированию рождаемости и преодолению малодетности на территории Приморского края.

Выводы. Сделан вывод о том, что использование преимущественно экономических механизмов стимулирования рождаемости, ориентированных на старшие возрастные группы, не позволяет достигнуть желаемых показателей воспроизводства населения. Рекомендовано применение всего комплекса мер государственного регулирования демографических процессов (в том числе идеологических), направленных на пропаганду семейных ценностей и формирование социальных норм среднедетности. Результаты исследования могут быть полезны для совершенствования региональной демографической политики.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Регулирование процессов воспроизводства населения является одной из важнейших задач государства. Необходимость эффективной политики в данной сфере, взаимозависимость экономического и демографического развития неоднократно отмечали в своих исследованиях зарубежные ученые, в том числе J. Thyrian, P.J. Liao, P. Haan, S. Kitao, Sh. Liu, R. Popescu [1−6]. Отечественные исследователи (И.Е. Никулина, О.П. Кузнецова, В.В. Локосов, Н.М. Римашевская, Л.Л. Рыбаковский, С.П. Шилова и др.) считают, что в Российской Федерации из-за сложности демографических процессов необходимы политика адекватного государственного регулирования и поиск новых способов его реализации [7−12].

Повышение рождаемости с 2007 г. стало одним из ключевых приоритетов социальной политики государства. Однако естественная убыль населения по-прежнему наблюдается во многих российских регионах, в том числе и в Приморском крае. Это не означает, что политика государственного регулирования демографических процессов неэффективна. В целом по стране рождаемость превысила смертность. Вместе с тем следует отметить, что использование преимущественно экономических механизмов стимулирования рождаемости не позволяет достигнуть желаемых показателей воспроизводства населения. Поэтому задача авторов – обосновать необходимость применения всего комплекса мер демографической политики на основе анализа динамики повозрастных показателей рождаемости на территории Приморского края.

В настоящее время Приморский край является средним по уровню социально-экономического развития субъектом Федерации и наиболее населенной территорией российского Дальнего Востока. Более благоприятный по сравнению с другими дальневосточными регионами климат, более развитая инфраструктура – все это делало край достаточно привлекательной территорией для постоянного проживания.

Но начиная с 1992 г. положительное сальдо миграции, характерное для края (кроме 1941−1945 гг.), становится отрицательным. С 1993 г. наблюдается естественная убыль населения. Снижение рождаемости при высокой смертности и миграционный отток привели

к значительному сокращению численности населения края. Динамика абсолютных показателей рождаемости и смертности по Дальневосточному федеральному округу и Приморскому краю представлена на рис. 1.

Следует отметить, что показатели миграции, как известно, отражают оперативную реакцию населения на изменение социально-экономической ситуации. Для изменения показателей естественного прироста населения, как правило, необходим более продолжительный период.

Однако социально-экономические трансформации национального масштаба 1990-х гг., сопровождавшиеся резким падением уровня жизни, привели к стремительному снижению рождаемости за сравнительно короткий промежуток времени. На семьях с детьми социально-экономический кризис отразился более болезненно. В дальнейшем ситуация изменилась, но даже плавный рост рождаемости после 1999 г. не позволил до настоящего времени достичь уровня 1991 г.

Модель репродуктивного поведения населения, во многом сложившаяся под влиянием условий 1990-х гг., превратилась в доминирующую. Опасение потерять достигнутый уровень жизни, желание проявить себя в иных сферах жизнедеятельности, а также снижение потребности в детях вплоть до отказа от рождений – все эти факторы приобрели долговременный характер. Как отмечали В.Н. Архангельский, О.Н. Калачикова, Я.А. Лещенко, Л.А. Попова [13–16], подобная ситуация сложилась во многих других субъектах Российской Федерации.

Об изменении демографического поведения населения по отношению к деторождению свидетельствует динамика повозрастных коэффициентов рождаемости. Подобные коэффициенты отражают интенсивность рождений в определенной возрастной группе женщин. Динамика повозрастных коэффициентов рождаемости в Приморском крае представлена в табл. 1.

Предлагается рассмотреть особенности рождаемости в первой возрастной группе 15−19 лет. Наименьшее значение коэффициента рождаемости наблюдалось в 2000 г., затем умеренное возрастание показателя привело к уровню 32,3 рождений на 1 000 женщин данного возраста (44,1% от уровня 1990 г.). По мнению авторов, данная динамика вполне закономерна. Увеличение возраста женщин при заключении брака влечет за собой более позднее рождение детей.

Значительно опаснее сокращение рождаемости во второй группе традиционно наибольшей плодовитости (20−24 года). Данный показатель в 2000 г. составлял всего лишь 19,3% от уровня базового 1990 г. В период с 2002 по 2010 г. уровень рождаемости сравнительно стабилизировался на невысокой отметке 83−87,7 промилле и только в 2011 г. показатель сравнялся с показателем 1990 г. Однако дальнейшее снижение свидетельствует о серьезных изменениях репродуктивного поведения.

Весьма характерны в данном случае и тенденции рождаемости в третьей группе женщин (25−29 лет) Уже в 2001 г. значение показателя повозрастной рождаемости превысило уровень 1990 г. и с 2009 г. продолжает расти, несмотря на некоторое снижение в 2002−2008 гг. В 2013 г. значение показателя также существенно возросло. Кроме того, в том же 2013 г. сравнение повозрастных коэффициентов для обеих групп (20−24 года и 25−29 лет) свидетельствует о более высоком уровне рождаемости в третьей группе, а не во второй.

Интересны изменения рождаемости в четвертой (30–34 года). Базовый уровень 1990 г. составлял 51,4 промилле, в 1997 г. – 26,5 промилле, в 2000 г. – 64,1 промилле, в 2013 – 73,8 промилле. После резкого падения рождаемости в 2002 г. наблюдался плавный рост. Тем не менее и этот рост не может компенсировать снижение уровня рождаемости в группе 20−24 года.

Для возрастной группы 35−39 лет также характерно превышение базового показателя рождаемости в 2013 г. В 1990-х гг. в этой группе был крайне низкий уровень рождаемости (10−11 промилле). И только в последние годы данная группа демонстрирует стабильный рост.

В группе 40−44 года − традиционно невысокие показатели рождаемости. Но если в 1990 г. данный показатель составлвял 4,9 рождений на 1 000 женщин данной группы, то в 1997 г. − 1,8 промилле. В настоящее время значение показателя стабилизировалось на уровне 6 промилле.

Что касается возрастной группы с минимальной рождаемостью 45−49 лет, то уровень рождаемости варьируется в ней от 0,1 до 0,3 промилле. Исключениями являются 2001 г. с крайне высоким для группы значением коэффициента 2,3 промилле и 2003 г. с нулевым значением.

Представленные особенности повозрастной рождаемости присущи в целом всему женскому населению края (репродуктивного возраста). Правда, имеются некоторые различия в показателях рождаемости городского и сельского населения. Коэффициенты рождаемости сельского населения традиционно выше. Повозрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения в Приморском крае для базисного и конечного периодов представлены на рис. 2, 3.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о серьезных изменениях повозрастной рождаемости на территории Приморского края, прежде всего в сторону уменьшения для возрастных групп 15−19 лет и 20−24 года. Рост рождаемости наблюдается в группах более старшего возраста, однако значения повозрастных коэффициентов свидетельствуют о сохранении дефицита рождаемости. Рост рождаемости в группах 25−44 года не может компенсировать ее снижение в группе 20−24 года.

С одной стороны, данная ситуация свидетельствует о появлении более взвешенного подхода к принятию решения о рождении детей, о стремлении вначале построить некую экономическую основу жизнедеятельности. С этим связано и отмеченное увеличение возраста женщин при вступлении в брак. Однако откладывание рождения детей чревато негативными последствиями, в том числе депопуляцией и отсутствием простого воспроизводства населения (когда в ходе смены поколений численность населения значительно не изменяется).

С увеличением возраста ухудшается репродуктивное здоровье женщин. Соответственно, увеличивается количество осложнений беременности, родов и послеродового периода. Следует отметить, что проблема контроля нежелательной беременности окончательно не решена. Аборт по-прежнему воспринимается как один из методов регулирования деторождения. Но вместе с тем аборт приводит к воспалительным заболеваниям половых органов, бесплодию, а также отрицательно влияет на течение последующих беременностей и родов, повышая вероятность материнской и перинатальной патологии. Только в 2013 г. в Приморском крае на 100 родов приходилось 29,1 случая абортов.

Кроме того, первенцы, тем более рожденные в старших возрастных группах, как правило, имеют более хрупкое здоровье. За исследуемый период в крае практически сформировалась тенденция роста патологии новорожденных. Возникает замкнутый цикл: больные родители – больные дети – больные родители.

Следует отметить, что более позднее рождение первого ребенка существенно уменьшает вероятность рождения последующих. С возрастом нежелание потерять достигнутый уровень жизни становится определяющим при принятии решения об отказе от деторождения. Экономический фактор влияет на репродуктивные установки, когда потребность в детях начинает вступать в противоречие с другими потребностями. И чем старше человек, тем сильнее это влияние.

Таким образом, трансформации повозрастной рождаемости требуют изменения подходов к реализации государственной демографической политики. При этом не следует ориентироваться только на ресурс последнего большого поколения женщин, родившихся в 1980-е гг., вследствие чего наблюдалась демографическая волна (рост числа рождений после 2000 г.). Безусловно, применение экономических механизмов государственного регулирования демографических процессов узкой направленности оказало существенное воздействие на рождаемость в старших возрастных группах. Однако переход к подобной модели на практике означает сдерживание роста рождаемости. Поэтому требуется использование более широкого спектра инструментов экономического стимулирования.

Кроме того, весьма важны идеологические меры государственного регулирования воспроизводства населения, особенно когда речь идет о повышении рождаемости среди молодежи. При этом активизация идеологического компонента демографической политики необходима прежде всего на федеральном уровне, чтобы противостоять установкам на максимизацию потребления.

В настоящее время информационное пространство способствует формированию представлений о ценности исключительно материального благополучия и высокой, подчас неприемлемой экономической стоимости рождения и воспитания детей. В связи с этим необходим комплекс мер, направленных на пропаганду семейных ценностей и формирование социальных норм среднедетности.

Следует отметить эффективность пропагандистских мер при реализации региональной и муниципальной демографической политики и относительно небольших бюджетных затратах. Однако отсутствие долгосрочной региональной демографической программы не способствует координации

деятельности государственных и муниципальных органов в данном направлении.

Вместе с тем только сочетание экономической поддержки семей с детьми и идеологических мероприятий демографической политики, ориентированных на воспитание потребности в детях, позволит действительно противостоять депопуляции (о ярких примерах семейной политики писал J. Geyer) [17].

По мнению авторов, для повышения эффективности государственного стимулирования рождаемости необходимо, во-первых, внедрение дополнительных экономических механизмов, направленных на повышение рождаемости в ключевой группе 20–24 года (наиболее оптимальной для рождения первенца).

Так, многие специалисты рекомендуют использовать стартовый родительский капитал (выплаты молодоженам). Такие меры настоятельно требуются для возрождения фамилистической культуры, поскольку широкое распространение сожительства оказывает отрицательное воздействие на рождаемость. Подобные пособия позволят экономически поддержать позитивную корректировку репродуктивных установок молодежи брачного возраста.

Кроме того, возможно использование повышающих коэффициентов для возрастной группы 20–24 года при определении размера материнского капитала. Что касается регионального материнского капитала, то приоритетом данного стимулирования должна быть поддержка рождения второго ребенка, а не только третьего, как в настоящее время. С одной стороны, подобная установка при реализации демографической политики не способствует обеспечению простого воспроизводства населения. С другой стороны, для группы 20–24 года вероятность появления последующего ребенка выше, чем для старших возрастных групп.

Во-вторых, необходимо разработать и реализовать (например, в рамках долгосрочной государственной программы демографического развития Приморского края) ряд мероприятий пропагандистско-воспитательного характера, ориентированных на молодежь брачного возраста.

Прежде всего, целесообразно использовать социальные плакаты и короткометражные видеоролики для демонстрации на рекламных экранах в местах скопления людей, в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего образования. Социальная реклама может быть также размещена на официальных сайтах органов государственной и муниципальной власти. Как показывает опыт общественных организаций, подобные плакаты и ролики, популяризирующие семейные ценности (или же направленные против абортов), являются весьма эффективным инструментом идеологического воздействия. Для работы над содержанием такой социальной рекламы желательно привлечь студенческую молодежь, обучающуюся по соответствующим направлениям (например, путем проведения конкурса).

Кроме того, в рамках региональной демографической политики можно проводить ежегодные конкурсы на лучшую программу или цикл статей семейной тематики для молодежи среди местных СМИ.

И наконец, крайне необходим специализированный интернет-ресурс под патронажем исполнительного органа субъекта РФ, на котором можно бесплатно получить онлайн-консультацию по вопросам семейной жизни, репродуктивного здоровья, правовой защиты материнства и детства. О дефиците таких знаний населения в отдельных странах писали K.L. Bretherick, M.Ch. Mustapa, L.S. Lundsberg и другие зарубежные исследователи [18–20]. В настоящее время данная проблема носит поистине международный характер. Однако использование современных интернет-инструментов в значительной мере способствует повышению уровня информированности, особенно у молодого поколения.

Таким образом, были рассмотрены только некоторые идеологические меры региональной демографической политики, позволяющие корректировать репродуктивное поведение населения. Но, к сожалению, в Приморском крае предложенные мероприятия, как правило, носят бессистемный характер и в целом пока не получили широкого распространения. В то же время использование идеологического ресурса является немаловажным условием эффективности всей демографической политики.

Что касается дефицита бюджетных средств для реализации предложенных программ, то, как ни парадоксально, именно в условиях экономического кризиса эффективная демографическая политика приобретает все большую актуальность. Государство не может слишком расточительно обращаться с таким наиболее ценным ресурсом, как человек. Демографическая «яма» 1990-х гг. – печальный тому пример. И поэтому так важно своевременно решать все проблемы, связанные с одной из весьма значимых угроз для будущего России.

Таблица 1

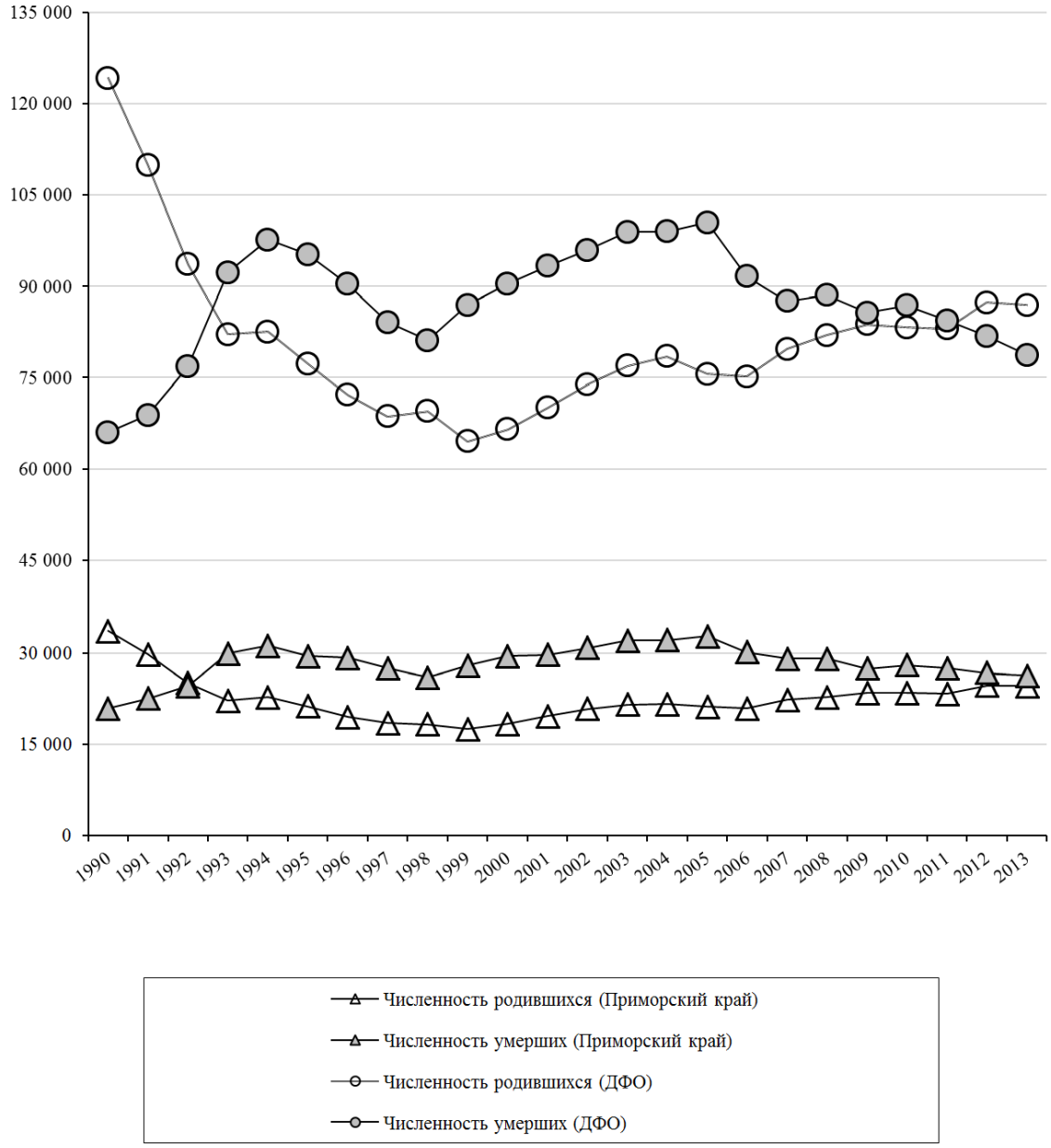
Динамика повозрастных коэффициентов рождаемости в Приморском крае в 1990−2013 гг., промилле

Год	От 15 до 19 лет	От 20 до 24 лет	От 25 до 29 лет	От 30 до 34 лет	От 35 до 39 лет	От 40 до 44 лет
1990	73,2	152	88,1	51,4	22	4,9
1991	70,5	138,8	76,9	42,7	18,3	4,5
1992	61,3	122,4	63,1	34,1	15,2	3,7
1993	54,8	114,7	56,4	28,1	11,5	3
1994	58,9	116,2	61,6	27,6	11,1	2,6
1995	48,7	112,1	59	28,3	10,4	2
1996	41,6	99	57,2	27,9	11,1	2,3
1997	40,4	91,1	57,3	26,5	10,3	1,8
1998	36,5	88,2	58,2	29,2	10,4	2,4
1999	31,3	84,9	57,1	29,2	11,2	2,2
2000	11,4	29,4	88	64,1	32,5	11,5
2001	12,1	30,9	91,4	69,4	37,5	13
2002	24,3	84,6	71,7	41	14,3	2,4
2003	25	85,3	74,3	43,3	16,3	2,3
2004	24,2	83	78,4	45,2	17,9	2,7
2005	29,1	87,7	78,3	45,9	18,1	2,6
2006	30,8	82,6	77,4	46,9	18,9	3
2007	29,8	85	85	54,3	21,9	3,9
2008	30,4	84,7	84,8	55,9	23,7	4,2
2009	31,5	86,6	93,1	60,5	25,8	4,7
2010	28,7	84,3	93,3	63,9	26,6	4,8
2011	28,1	152	96,2	65,1	29,2	4,8
2012	31	138,8	102,2	70,8	32,9	6,1
2013	32,3	90,9	105,7	73,8	35,7	6,4

Источник: данные Росстата

Рисунок 1

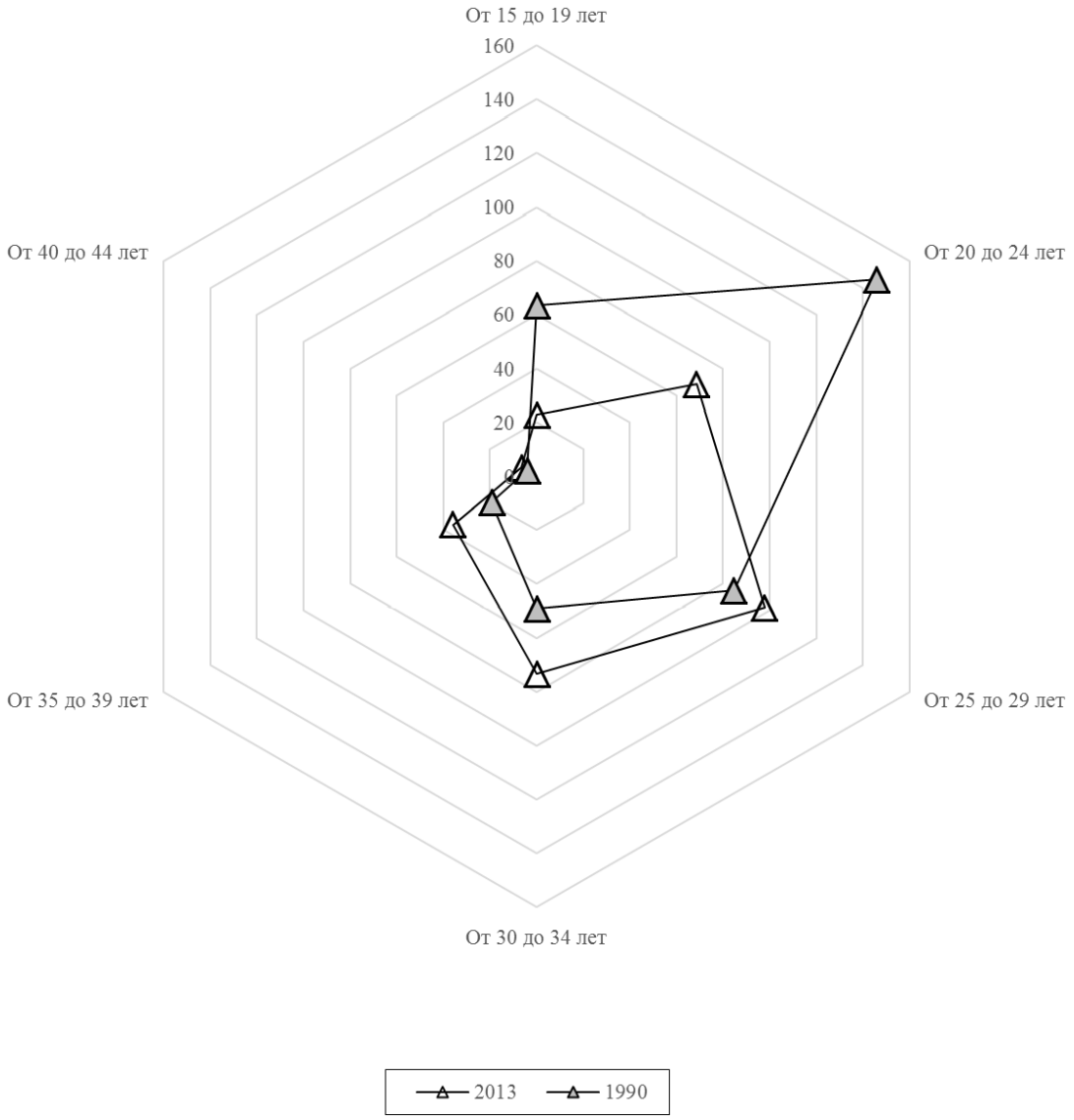
Динамика численности родившихся и умерших в Приморском крае и Дальневосточном федеральном округе в 1990–2013 гг., чел.



Источник: данные Росстата

Рисунок 2

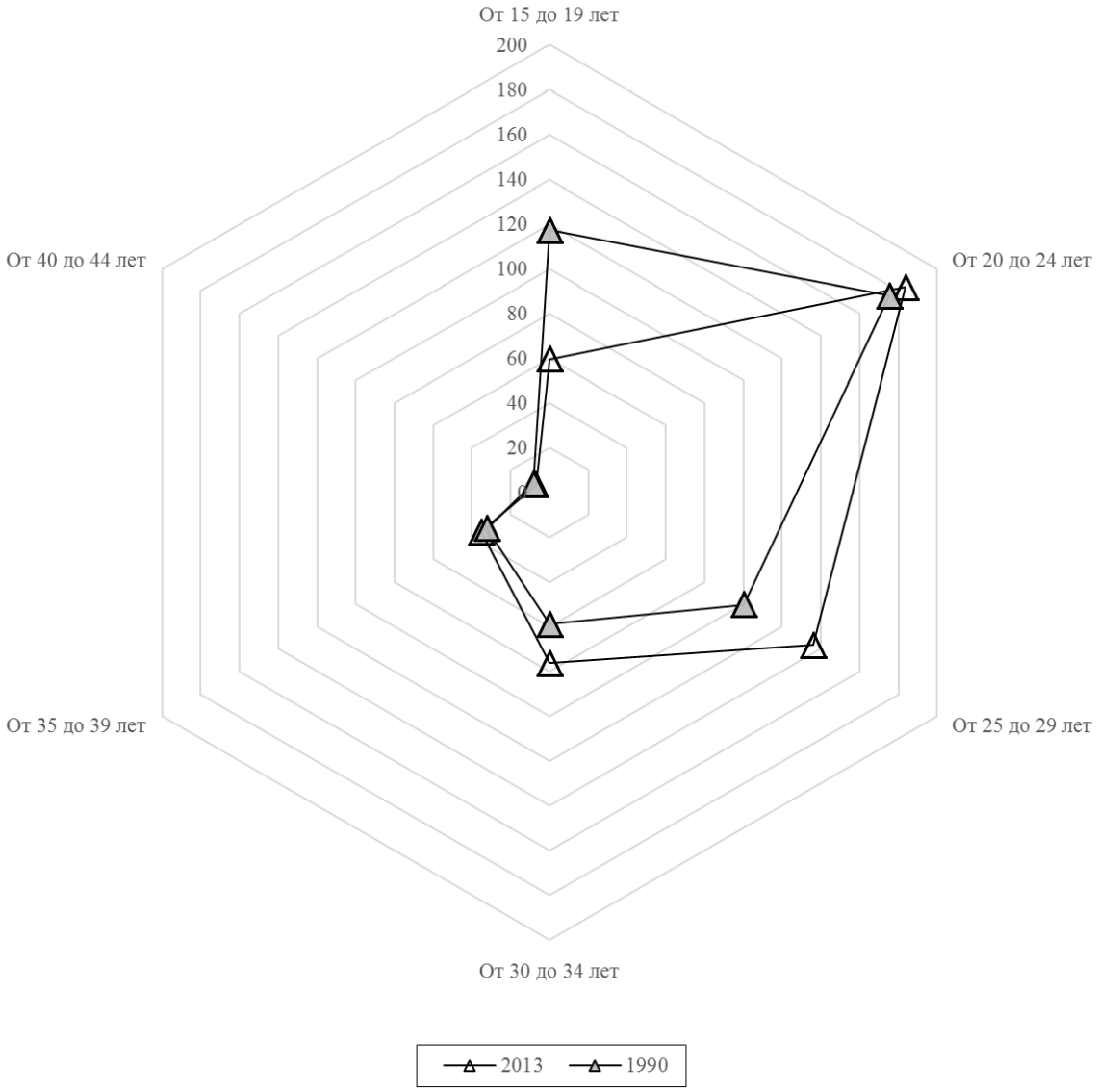
Повозрастные коэффициенты рождаемости городского населения в Приморском крае, промилле



Источник: данные Росстата

Рисунок 3

Повозрастные коэффициенты рождаемости сельского населения в Приморском крае, промилле



Источник: данные Росстата

Список литературы

1. *Jochen René Thyrian, Konstanze Fendrich, Anja Lange, Johannes-Peter Haas, Marek Zygmunt, Wolfgang Hoffmann.* Changing maternity leave policy: Short-term effects on fertility rates and demographic variables in Germany // Social Science & Medicine. 2010. Vol. 71. № 4. P. 672–676. doi: 10.1016/j.socscimed.2010.05.004

2. *Pei-Ju Liao*. Does demographic change matter for growth? // European Economic Review. 2011. Vol. 55. № 5. P. 659–677. doi: 10.1016/j.euroecorev.2010.09.006

3. *Haan P., Wrohlich K.* Can child care policy encourage employment and fertility? Evidence from a structural model // Labour Economics. 2011. Vol. 18. № 4. P. 498–512. doi: 10.1016/j.labeco.2010.12.008

4. *Kitao S.* Fiscal cost of demographic transition in Japan // Journal of Economic Dynamics and Control. 2015. Vol. 54. P. 37−58. doi: 10.1016/j.jedc.2015.02.015

5. *Shenglong Liu, Angang Hu.* Demographic change and economic growth: Theory and evidence from China // Economic Modelling. 2013. Vol. 35. P. 71−77. doi: 10.1016/j.econmod.2013.06.041

6. *Popescu R.* Changes in Patterns of Social Policy – Family Quality of Life and Policy Implementation // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 22. P. 810−819. doi: 10.1016/S2212-5671(15)00315-9

7. *Nikulina I.E., Khomenko I.V.* Interdependence of Demographic and Economic Development of Regions // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. P. 142−146. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.12.499

8. *Кузнецова О.П., Косьмин А.Д.* К вопросу о демографической безопасности России // Проблемы современной экономики. 2013. № 3. С. 165−171.

9. *Локосов В.В.* Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 57−68.

10. *Римашевская Н.М.* Три предложения по совершенствованию демографической и семейной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 127−132.

11. *Рыбаковский Л.Л.* Факторы депопуляции в России // Народонаселение. 2013. № 3. С. 4−19.

12. *Шилова С.П., Лепихина Т.Л.* Демографический процесс как объект управления на государственном и региональном уровне // Проблемы современной экономики. 2011. № 3. С. 49−52.

13. *Архангельский В.Н.* Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин // Народонаселение. 2014. № 3. С. 26−42.

14. *Калачикова О.Н., Шабунова О.А.* Демографическая политика России: региональный аспект // Экономика региона. 2012. № 3. С. 77−89.

15. *Лещенко Я.А.* Особенности и тенденции повозрастной рождаемости в Сибирском федеральном округе // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук. 2012. № 2-1. С. 100−103.

16. *Попова Л.А., Бутрим Н.А.* Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2. С. 72−85.

17. *Johannes Geyer, Peter Haan, Katharina Wrohlich.* The effects of family policy on maternal labor supply: Combining evidence from a structural model and a quasi-experimental approach // Labour Economics. 2015. Vol. 36. P. 84−98. doi: 10.1016/j.labeco.2015.07.001

18. *Bretherick K.L., Fairbrother N., Avila L., Harbord S.H.A., Robinson W.P.* Fertility and aging: do reproductive-aged Canadian women know what they need to know? // Fertility and Sterility. 2010. Vol. 93. № 7. P. 2162–2168. doi: 10.1016/j.fertnstert.2009.01.064

19. *Mazlina Che Mustapa, Khaidzir Hj Ismail, Mohd Suhaimi Mohamad, Fauziah Ibrahim*. Knowledge on Sexuality and Reproductive Health of Malaysian Adolescents – A Short Review // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 211. P. 221–225. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.088

20. *Lisbet S. Lundsberg, Lubna Pal, Aileen M. Gariepy, Xiao Xu, Micheline C. Chu, Jessica L. Illuzzi.* Knowledge, attitudes, and practices regarding conception and fertility: a population-based survey among reproductive-age United States women // Fertility and Sterility. 2014. Vol. 101. № 3. P. 767–774. doi: 10.1016/j.fertnstert.2013.12.006

ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Population and Demography

THE TRANSFORMATION OF AGE-SPECIFIC BIRTH RATES IN PRIMORSKY KRAI

Viktoriya A. DENISENKO[a,•], Anna V. KATAEVA[b]

[a] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation
dva232@mail.ru

[b] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation
kataeva.an@mail.ru

[•] Corresponding author

Article history:
Received 19 March 2015
Received in revised form
14 April 2015
Accepted 26 April 2015

JEL classification: J11, J13, R23, R28

Keywords: Primorsky Krai, age-specific birth rate, fertility, decline, State demographic policy

Abstract

Importance The article deals with the dynamics of age-specific fertility rates in Primorsky Krai in 1990−2013.

Objectives The paper aims to identify the factors of fertility decline and propose measures of regional demographic policy to stimulate the birth rate and overcome the 'short-family' situation in Primorsky Krai.

Methods For the study, we used systemically-analytical research methods.

Results We identified certain factors of fertility decline and propose certain measures of regional demographic policy to stimulate the birth rate in Primorsky Krai.

Conclusions and Relevance We concluded that the predominant use of economic mechanisms to stimulate the birth rate, targeted at older age groups, does not help achieve the desired indicators of population reproduction. We recommend an application of the entire set of measures, including the ideological ones, for State regulation of demographic processes, aimed at promoting family values and social norms of medium-sized family. The results of the research may be useful for improving the regional demographic policy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Thyrian J.R., Fendrich K., Lange A., Haas J.-P., Zygmunt M., Hoffmann W. Changing Maternity Leave Policy: Short-Term Effects on Fertility Rates and Demographic Variables in Germany. *Social Science & Medicine*, 2010, vol. 71, no. 4, pp. 672−676. doi: 10.1016/j.socscimed.2010.05.004

2. Pei-Ju Liao. Does Demographic Change Matter for Growth? *European Economic Review*, 2011, vol. 55, no. 5, pp. 659−677. doi: 10.1016/j.euroecorev.2010.09.006

3. Haan P., Wrohlich K. Can Child Care Policy Encourage Employment and Fertility? Evidence from a Structural Model. *Labour Economics*, 2011, vol. 18, no. 4, pp. 498–512. doi: 10.1016/j.labeco.2010.12.008

4. Kitao S. Fiscal Cost of Demographic Transition in Japan. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2015, vol. 54, pp. 37−58. doi: 10.1016/j.jedc.2015.02.015

5. Shenglong Liu, Angang Hu. Demographic Change and Economic Growth: Theory and Evidence from China. *Economic Modelling*, 2013, vol. 35, pp. 71−77. doi: 10.1016/j.econmod.2013.06.041

6. Popescu R. Changes in Patterns of Social Policy – Family Quality of Life and Policy Implementation. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 22, pp. 810−819. doi: 10.1016/S2212-5671(15)00315-9

7. Nikulina I.E., Khomenko I.V. Interdependence of Demographic and Economic Development of Regions. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 166, pp. 142−146. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.12.499

8. Kuznetsova O.P., Kos'min A.D. K voprosu o demograficheskoi bezopasnosti Rossii [The issue of demographic security in Russia]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2013, no. 3, pp. 165−171.

9. Lokosov V.V. Perekhod ot ekstensivnoi k intensivnoi demograficheskoi politike [Transition from extensive to intensive demographic policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2014, no. 3, pp. 57−68.

10. Rimashevskaya N.M. Tri predlozheniya po sovershenstvovaniyu demograficheskoi i semeinoi politiki [Three suggestions for the improvement of demographic and family policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, no. 6, pp. 127−132.

11. Rybakovskii L.L. Faktory depopulyatsii v Rossii [The factors of depopulation in Russia]. *Narodonaselenie = Population*, 2013, no. 3, pp. 4−19.

12. Shilova S.P., Lepikhina T.L. Demograficheskii protsess kak ob"ekt upravleniya na gosudarstvennom i regional'nom urovne [Demographic process as an object of management at the State and regional levels]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2011, no. 3, pp. 49−52.

13. Arkhangel'skii V.N. Transformatsiya pokazatelei rozhdaemosti v real'nykh pokoleniyakh rossiiskikh zhenshchin [Transformation of fertility indicators in actual generations of Russian women]. *Narodonaselenie = Population*, 2014, no. 3, pp. 26−42.

14. Kalachikova O.N., Shabunova O.A. Demograficheskaya politika Rossii: regional'nyi aspekt [The population policy of Russia: a regional dimension]. *Ekonomika regiona = The Region's Economy*, 2012, no. 3, pp. 77−89.

15. Leshchenko Ya.A. Osobennosti i tendentsii povozrastnoi rozhdaemosti v Sibirskom federal'nom okruge [Peculiarities and tendencies of age-specific birth rate in Siberian Federal District]. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii meditsinskikh nauk = Bulletin of East Siberian Scientific Center of Academy of Medical Sciences*, 2012, no. 2-1, pp. 100−103.

16. Popova L.A., Butrim N.A. Sovremennye standarty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i zadachi prosemeinoi demograficheskoi politiki [Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, no. 2, pp. 72−85.

17. Geyer J., Haan P., Wrohlich K. The Effects of Family Policy on Maternal Labor Supply: Combining Evidence from a Structural Model and a Quasi-Experimental Approach. *Labour Economics*, 2015, vol. 36, pp. 84−98. doi: 10.1016/j.labeco.2015.07.001

18. Bretherick K.L., Fairbrother N., Avila L., Harbord S.H.A., Robinson W.P. Fertility and Aging: Do Reproductive-Aged Canadian Women Know What They Need to Know? *Fertility and Sterility*, 2010, vol. 93, no. 7, pp. 2162–2168. doi: 10.1016/j.fertnstert.2009.01.064

19. Mazlina Che Mustapa, Khaidzir Hj Ismail, Mohd Suhaimi Mohamad, Fauziah Ibrahim. Knowledge on Sexuality and Reproductive Health of Malaysian Adolescents – A Short Review. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 211, pp. 221–225. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.088

20. Lisbet S. Lundsberg, Lubna Pal, Aileen M. Gariepy, Xiao Xu, Micheline C. Chu, Jessica L. Illuzzi. Knowledge, Attitudes, and Practices Regarding Conception and Fertility: A Population-Based Survey among Reproductive-Age United States Women. *Fertility and Sterility*, 2014, vol. 101, no. 3, pp. 767–774.e2. doi: 10.1016/j.fertnstert.2013.12.006